

УДК 94(470.63)
ББК 63.3(255.54)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КАЛМЫЦКОМ ВОЙСКЕ (1737–1842 гг.)

С. В. Джунджузов

Ставропольское калмыцкое поселение было основано в 1737 г. в Среднем Поволжье для размещения крещеных калмыков. В соответствии с сенатским указом 1745 г., поселение получило национально-казачье устройство, а с 1756 г. официальное название — Ставропольское калмыцкое войско.

Первые известия об образовании и развитии калмыцкого поселения встречаются уже в записках путешественников XVIII века [Паллас 1809] и в «Топографии Оренбургской губернии» П. И. Рычкова [Рычков 1887]. Описание ставропольских калмыков отражено в разных аспектах исследований по истории казачества, войн XVIII–XIX веков, национальной политики России, этнографии, краеведению и другой исторической тематике [Кузнецов 2008; Максимов, Очиров 2012; Шовунов 1992].

Исследование какой бы то ни было группы населения, объединенной по географическому, национальному, социальному или иному признаку, не представляется возможным без анализа ее численности за определенный временной отрезок. Применительно к этническим региональным группам, к числу которых, безусловно, следует отнести и ставропольских крещеных калмыков, необходимо ориентироваться на процессы и события, оказывавшие прямое или опосредованное влияние на динамику численности народонаселения.

Определенные сложности для решения поставленной задачи представляют состояние источниковой базы и качество статистического материала. Выявленный к настоящему времени массив архивных документов имеет существенные хронологические пробелы. Приведенные в них статистические сведения, относящиеся к XVIII в., указывают лишь общую численность населения, с разделением по половому признаку. Материалом для исследования следующего временного отрезка по-

служили годовые данные за 1803–1841 гг. Их появление было связано с образованием в 1803 г. Ставропольского тысячного калмыцкого полка. Указанная статистика содержит цифровые показатели только для состава мужского населения, подразделенного применительно к воинской повинности на малолеток, служивых и отставных. Однако, несмотря на отмеченные недостатки, имеющийся статистический материал позволяет выявить тенденции в движении численности народонаселения Ставропольского калмыцкого войска и факторы, влиявшие на этот процесс в разные периоды его существования.

В демографическом развитии Ставропольского калмыцкого войска четко прослеживаются три периода. Первый (1737–1772 гг.) — период роста народонаселения; второй (1773–1815 гг.) — характеризуется резкими, скачкообразными сокращениями; третий (1816–1842 гг.) — период неуклонного демографического спада.

Мнение о необходимости выведения принимавших христианство калмыков на отдаленную от Калмыцкого ханства территорию на протяжении 20-х — первой половины 30-х годов XVIII в. неоднократно высказывалось как астраханскими губернаторами, так и православными миссионерами. Основанием для его реализации послужило возбужденное в 1736 г. ходатайство крещеного калмыцкого владельца Петра Тайшина о подчинении ему всех крещеных калмыков и переселении их вглубь российской территории. После смерти П. Тайшина 23 декабря 1736 г. все права на управление крещеными калмыками императрица Анна Иоанновна передала своей крестнице Анне — вдове Тайшина.

В сентябре 1737 г., для пребывания княгини и калмыцкой знати начальник Оренбургской комиссии В. Н. Татищев распорядился на луговой стороне Волги, напро-

тив Жигулевских гор, в урочище Кунья Воложка заложить крепость, которая с 14 мая 1739 г. стала называться Ставрополем, городом Святого Креста (полное название — Ставрополь-на-Волге). В прилегающих к Куньей Воложке окрестностях по берегам Сока, Кондурчи, Черемшана и других малых рек были намечены пункты для кочевья и поселения калмыков [Кузнецов 2008: 260–263].

В историографии бытует ошибочное мнение, что из-за затянувшихся поисков подходящей территории переселение крещеных калмыков было отложено до весны 1738 г. [Овсянников 1997: 11]. На самом деле переселение было произведено, как и намечалось, осенью 1737 г., о чем свидетельствует подробный отчет, представленный в Коллегию иностранных дел первым комендантом Ставропольской крепости полковником Змеевым. Согласно распоряжению В. Н. Татищева, собранные саратовским воеводой полковником В. П. Беклемишевым по нижеволжским городам крещеные калмыки были свезены в Саратов. 29 сентября от полковника Беклемишева он принял и отправил к месту поселения 630 кибиток, в которых насчитывалось 2104 человека, из них 1092 — мужского пола и 1012 — женского [Витевский 1897: 515]. Они и стали первыми калмыками, поселившимися в Самарском Поволжье.

После смерти княгини А. Тайшиной и коменданта А. И. Змеева в 1742 г. в калмыцком поселении наметился отход от единоличного наследственного правления. В течение трех лет в Ставрополе не было постоянного военного коменданта. Чиновники, временно исполнявшие эту должность «до указа», оставались безучастными к делам и нуждам вверенных им ставропольских калмыков. Остановилось делопроизводство Коллегии иностранных дел, где сменилось руководство в связи с очередным дворцовым переворотом и восшествием на престол Елизаветы Петровны, и резко сократились денежные ассигнования. Этим обстоятельством воспользовался оренбургский губер-

натор И. И. Неплюев. По его настоянию ставропольские калмыки в 1744 г. из ведомства Коллегии иностранных дел были переданы в Оренбургскую губернию.

И. И. Неплюевым был предложен комплекс мер по преобразованию калмыцкого поселения в казачье войско. Предложенные им меры получили правовое оформление в Сенатском указе «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыков» от 19 февраля 1745 г. [ПСЗРИ. Т. XII. 1832: 308–328]. Войско управлялось коллегиальным органом — Судом — и по административно-территориальному признаку было разделено на 8 рот.

Политика христианизации калмыков, проводившаяся усиленными темпами в середине XVIII в., способствовала быстрому росту Ставропольского поселения. В Ставрополь для распределения по улусам с низовьев Волги направляли всех калмыков, принимавших православие. Пик этого процесса пришелся на сороковые – пятидесятые годы XVIII в. В 1744 г. в Ставрополе и его окрестностях проживали 3313 человек (табл. 1), через год их число увеличилось почти на тысячу человек, и еще более чем на тысячу — к 1750 г. Затем, примерно до 1757 г., рост ставропольского населения несколько замедлился. Это было связано с образованием поселения крещеных калмыков при Оренбурге и привлечением казаков-калмыков к службе в тысячном оренбургском казачьем полку. С целью пополнения оренбургского поселения небольшие партии калмыков стали переводить в Оренбург. В Указе от 1 сентября 1752 года говорилось о дозволении перехода в Оренбург с 30 кибитками зайсангу Федору Солтому. Войсковым есаулом в Оренбургский нерегулярный корпус 11 ноября 1755 г. был назначен ротмистр Андрей Анчуков. Вместе с ним на новое место жительства отправились триста ставропольских калмыков [ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 105 об; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 197].

Таблица 1. *Население Ставропольского калмыцкого войска в 40–80-х годах XVIII века* [РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 197; ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 98]

Годы	Мужчин	Женщин	Итого
1744	1828	1485	3313
1745	2334	1949	4283
1746	2690	2258	4948
1747	2724	2307	5031
1748	2853	2352	5205
1749	2960	2384	5344
1750	3079	2452	5531
1751	3085	2455	5540
1759	3864	3263	7387
1767	4304	3913	8217
1768	4236	3921	8157
1780	3055	2799	5854
1781	3144	2851	5995

Общая ситуация в сфере изменения динамики населения Ставропольского калмыцкого войска в указанный период наглядно показана на рис. 1.

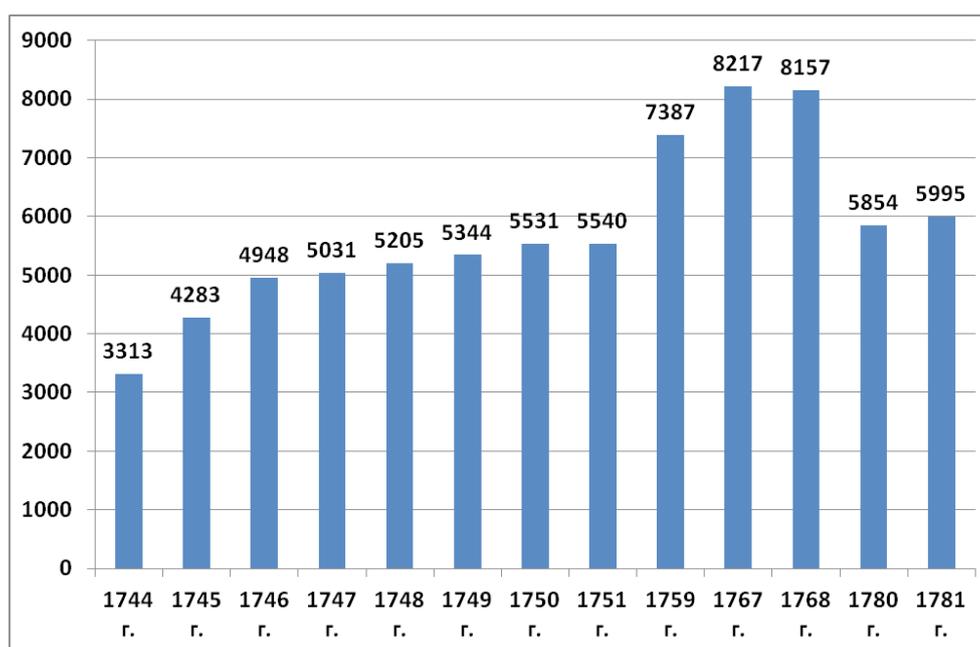

Рис. 1. *Динамика населения Ставропольского калмыцкого войска (1744–1781 гг.)*

Последняя, самая крупная, волна переселенцев в Ставропольское войско пришла на конец 50-х годов XVIII столетия. Спасаясь от междоусобиц и санкционированных китайскими властями этнических чисток, через сибирское пограничье в российское подданство из Джунгарии перешли десятки тысяч джунгарских (зенгорских) калмыков. Согласно подсчетам историка калмыцкого казачества К. П. Шовунова, произведенным по данным материалов Го-

сударственного архива Омской области, только за два года (1756–1757) на сибирских пограничных линиях русскими властями было принято в подданство более 25 тысяч джунгарцев [Шовунов 1992: 135]. Часть из них, прежде чем попасть в Россию, побывала в плену у казахов. Основная масса джунгарцев была отправлена на Нижнюю Волгу в Калмыцкое ханство. Поскольку оренбургский губернатор Неплюев считал, «дабы оные (калмыки) к киргизцам

побегов не учиняли и через то Христианской вере нарушения не последовало. Чего ради сходне их иметь в Ставрополе, нежели здесь (в Оренбурге)» [ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 39. Л. 151–152], принимавшие православие джунгарские калмыки пополнили население Ставропольского войска. Всех джунгарских калмыков И. И. Неплюев планировал свести в отдельную 9-ю роту и даже получил Указ о ее учреждении. Но, пока шло согласование, стало очевидным, что одной роты будет недостаточно. По неполным данным, в 1757–1759 годы в Ставрополе были приняты на жительство 2012 джунгарских калмыков [РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 194]. В итоге, в соответствии с Сенатским указом от 18 мая 1760 г., для джунгарцев были учреждены не одна, как это планировалось ранее, а три роты. В 1768 г. джунгарских калмыков насчитывалось 2894 человека (35,22%) от общего числа ставропольских крещеных калмыков [ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89. Л. 11–12].

К началу 70-х годов XVIII в. численность ставропольских крещеных калмыков достигла максимальных пределов. По сведениям К. П. Шовунова, в 1771 г. их насчитывалось 14 тыс человек. К сожалению, исследователем не был указан используемый источник, согласно которому следовало, что за три года войсковое население без всяких к тому причин должно было вырасти почти на 6 тыс человек. Здесь же Шовунов отмечает, что в войске состояло до тысячи джунгарских калмыков, затем в сноске, комментируя свой же текст, указывает, что «число джунгарских калмыков явно занижено, т. к. за 4 года их численность не могла сократиться в 2,2 раза» [Шовунов 1992: 136, 289].

Колоссальный урон численности и хозяйственному состоянию ставропольских калмыков причинило восстание под предводительством Емельяна Пугачева. По стечению обстоятельств, их поселение оказалось в эпицентре действия казацких и крестьянских повстанческих отрядов. Пугачева поддержало большинство войсковых чиновников, возглавляемых представителем самого знатного владельческого рода, войсковым квартирмейстером Федором Ивановичем Дербетевым. Масштабы участия ставропольских калмыков в войне можно представить по донесению Ставропольской канцелярии в Военную коллегию о том, что число «бунтующих калмык» составляет более 5 тысяч [Максимов, Очиров 2012: 134].

Из донесений офицеров правительственных войск следует, что сражавшиеся на стороне Пугачева калмыки несли существенные, невосполнимые потери. В январе 1774 г. под Красным Яром они потеряли 120 человек, до трехсот калмыцких повстанцев погибли 8 мая у деревни Трай на реке Ток и еще до двухсот во время преследования [Беликов 1978: 99; Дубровин 1884: 189]. Таким образом, только в двух отмеченных сражениях погибло до 620 калмыков. Часть неучтенных калмыков сумела вслед за Пугачевым прорваться в Башкирию. По сведениям, представленным в Военную коллегию в 1780 г., население Ставропольского калмыцкого войска насчитывало 5854 человека. По сравнению с тем же показателем 1768 г. численность ставропольских калмыков сократилась на 2303 человека (28,23%) (табл. 1.). Указанные людские потери для калмыцкого населения следует поставить в прямую зависимость от событий «пугачевского лихолетья».

Второй существенный количественный спад населения в Ставропольском войске пришелся на время наполеоновских войн. Пятисотенный ставропольский калмыцкий полк участвовал в военной кампании 1806–1807 годов, Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе, победоносно завершившемся в 1814 году. Ввиду угрозы вторжения наполеоновской армии в пределы России Ставропольский полк был мобилизован и выведен из Ставропольского уезда в 1811 г. По ведомости от 28 марта 1812 г., в нем состояло 558 служащих [Прозрителев 1912: 40].

К сожалению, очень часто, увлекшись описанием сражений и блистательных побед, исследователи забывают о людях, ценой жизни которых они были завоеваны. По сведениям Т. И. Беликова, за три года войны (1812–1814) Ставропольский полк потерял 134 человека. Г. Н. Прозрителев в числе потерь ставропольских калмыцких казаков за тот период насчитывает до 210 человек [Беликов 1965: 134]. Последняя цифра соответствует данным, приведенным в таблице № 2, указывающим, что с 1811 по 1815 гг. число служилых калмыков сократилось на 188 человек. Разница в 22 человека объясняется поступлением на службу малолеток, достигших призывного возраста. Почти пятилетнее отсутствие четвертой части мужского населения детородного возраста закономерно привело к убыли рождаемости. За

указанный период число малолеток сократилось на 170 человек.

Из таблицы № 2 видно, что сокращение мужского населения в Ставропольском войске продолжалось с 1803 по 1815 гг. и составило 664 человека — 25 % его общего состава. Некоторое улучшение демографической ситуации произошло после возвращения на родину участников Заграничного

похода. К 1819 г. за счет увеличения рождаемости на 52 человека увеличилось число малолеток. Подростающее поколение обеспечило рост численности служилых калмыков на 116 человек. В то же время положительная динамика, отмеченная в первых двух возрастных группах, нивелировалась сокращением почти на треть численности отставных калмыков.

Таблица 2. *Численность мужского населения Ставропольского калмыцкого войска 1803–1841 гг.*
[ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 98–98об; Д. 635. Л. 6-7; Д. 508. Л. 150–151].

Годы	Служащие	Отставные	Малолетки	Итого
1803	868	628	1162	2648
1807	1022	432	952	2406
1811	1062	423	803	2282
1815	874	377	733	1984
1819	988	253	785	2026
1820	1040	240	680	1960
1825	935	253	703	1891
1830	908	199	690	1797
1831	862	171	699	1732
1836	872	125	753	1750
1841	865	227	592	1684

Общая ситуация в сфере изменения динамики численности мужского населения Став-

ропольского калмыцкого войска в указанный период наглядно показана на рисунке 2.

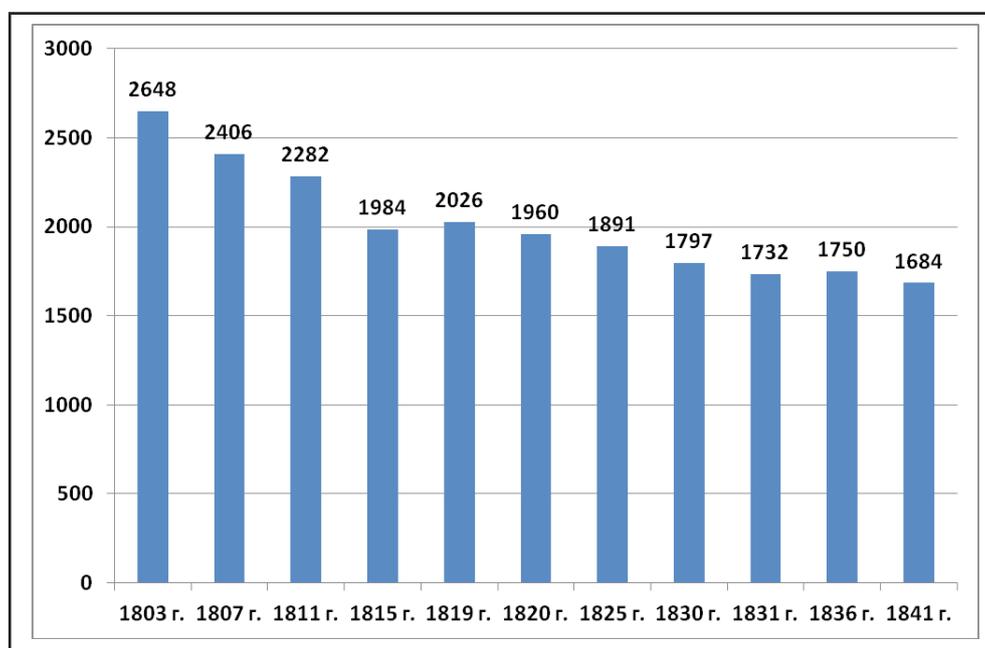

Рис. 2. Динамика численности мужского населения Ставропольского калмыцкого войска (1803–1841 гг.)

Таким образом, неуклонная тенденция к сокращению войскового населения наблюдалась вплоть до расформирования Ставропольского войска (в 1842 г.).

Первая попытка анализа ухудшавшейся демографической ситуации была предпринята в 1835 году состоявшим для поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском полковником Н. А. Мансуровым. Основной причиной убыли войскового населения, на его взгляд, являлась низкая рождаемость в калмыцких семьях. По подсчетам, сделанным Мансуровым по посемейной переписи, оказалось, что в брачно-семейных отношениях состояли в разное время 1812 калмыков обоего пола. Ими было заключено 969 брачных союзов, в которых родилось 3689 детей. В среднем на супружескую пару приходилось по 3,5 рожденных. Из них выжило 1765 детей. Следовательно, в семьях ставропольских калмыков в среднем вырастало менее двух детей, что не позволяло обеспечить воспроизводство населения. Других ресурсов для увеличения войскового сословия в XIX веке в Ставропольском войске не имелось.

Мансуров связывал низкую рождаемость с нарушениями репродуктивной функции калмыцких женщин, вызванными неблагоприятными санитарно-гигиеническими факторами. К ним он относил употребление некачественной пищи, проживание в неблагоустроенных, плохо отапливаемых в зимнее время избах и лачугах. «Женщинам при очищениях и после родов нет места согреться, кроме как у огня, всегда разведенного на полу, или в сенях, или в особенной лачуге, и от того происходит простуда и много брюшных болезней, препятствующих дальнейшему плодородию. Может быть, особенное расположение народа к золотухе и другим кожным болезням имеет также свое действие, которое увеличивает невежество их лекарей» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 40–46].

Не была преодолена в первой половине XIX в. и диспропорция по половому признаку. Показатели этого плана несколько смягчали потери мужского населения, понесенные Ставропольским войском во время войн с Наполеоном. Но в 1836 г., судя по «Табели о народонаселении Ставропольского войска», численность мужчин превышала численность женщин на 208 человек [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 508. Л. 150–151]. Во второй половине 1830-х годов гендер-

ный дисбаланс вновь стал уменьшаться, и через пять лет, в 1841 г., разница сократилась до 85 человек — на 1684 лица мужского пола приходилось 1599 женского [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 635. Л. 6–7]. Сходная ситуация в соотношении мужской и женской части населения наблюдалась у кочевых и полукочевых народов, у земледельцев же (оренбургских казаков и русских крестьян), напротив, женщин было больше, чем мужчин.

Полковник Н. А. Мансуров в своих рекомендациях опирался на указания В. А. Перовского, выступавшего за реформирование Ставропольского калмыцкого войска путем сокращения войсковых земельных угодий, что, в свою очередь, должно было вынудить калмыков заняться земледелием и перейти к оседлому образу жизни. Исправить демографическую ситуацию в Калмыцком войске он также надеялся посредством улучшения медицинского обслуживания и строгого надзора за соблюдением калмыками санитарных предписаний и правил личной гигиены. Улучшению санитарной обстановки в калмыцких улусах должны были способствовать следующие меры: устройство бань при зимних жилищах, а по возможности — и при кочевьях; возложение на ротных командиров наблюдения за тем, чтобы подчиненные им калмыки не употребляли в пищу падшую скотину (замеченных в нарушении этого запрета предписывалось строго наказывать); запрет кочевий при озерах — в местах, не обустроенных колодцами; строительство изб с большими печами, чтобы обезопасить калмыков от холода в зимнее время.

В 1836 г. в Ставропольское войско был назначен штатный лекарь с университетским образованием. Прежде эту должность занимал врач, совмещавший ее с обслуживанием населения всего Ставропольского уезда. В обязанность лекаря входило не менее четырех раз в год совершать поездки по войсковой территории и оказывать медицинскую помощь. Врачебные объезды давали возможность отслеживать эпидемиологическую обстановку на местах и выявлять больных, нуждающихся в стационарном лечении. Ежегодно лечение в войсковом госпитале получали от сорока до шестидесяти калмыков.

Результатом усиления требований к санитарии и медицинскому обслуживанию стало заметное увеличение количества от-

ставных калмыков. За пять лет, с 1836 по 1841 гг., их число возросло на 102 человека (81,6%), притом, что число служилых за тот же период сократилось всего на семь человек (табл. 2). Заметный рост в те же годы отмечался в женской части населения: с 1491 человека на 1 января 1835 г. до 1599 человек к 1 ноября 1841 г. (7,24%) [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 508. Л. 150–151; Д. 635. Л. 6–7].

Из статистических данных, приведенных в «Обзоре ставропольских калмыков» следует, что годовая убыль мужского населения в Войске в 1830–1840 гг. по сравнению с предыдущим десятилетием сократилась со 163 до 48 человек, или с 8,3 % до 2,6 %. Эти расчеты обозреватель произвел, опираясь только на погодные показатели числа калмыков, состоявших на службе [З-в 1844: 35]. Еще более оптимистичные результаты представляет сравнение убыли всего мужского населения по десятилетиям. Так, если с 1820 по 1831 гг. она составила 228 человек, то с 1831 по 1841 гг. — всего 48 человек. Однако положительную динамику перечеркивает возросшее сокращение численности малолеток. С 1836 по 1841 гг. их стало меньше

на 161 человек — цифра, превышающая показатель роста числа отставных калмыков. Следовательно, в недалеком будущем калмыцкое войско ожидало дальнейшее уменьшение его численного состава.

24 мая 1842 г. Николай I подписал Указ на имя управляющего Военным министерством о присоединении Ставропольского калмыцкого войска к Оренбургскому казачьему войску. По официальным данным, переселению в Оренбургскую губернию подлежало 3336 жителей Ставропольского войска, из них мужчин — 1743, женщин — 1593 [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11852. Ч. 1. Л. 68]. Следовательно, с конца 60-х годов XVIII в. численность ставропольских калмыков сократилась в 2,5 раза, упав до уровня 1744 г., когда они были переданы в управление оренбургскому военному губернатору И. И. Неплюеву.

Таким образом, низкая рождаемость и детская смертность не позволили обеспечить рост или хотя бы стабилизировать численность населения. Значительное сокращение состава Ставропольского калмыцкого войска повлияло на решение правительства о его расформировании.

Источники

- Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО).
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Литература

- Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVIII – начало XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 168 с.
Беликов Т. И. Ф. И. Дербетев – сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 103 с.
Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его состоянии до 1758 года. Казань: Типо-Литограф. В. М. Ключникова, 1897. 630 с.
Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Екатерины II 1773–1774 гг. Т. 3. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1884. 418 с.
З-в. Н. Исторический обзор ставропольских крещеных калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1844. Т. 35. № 7–8. С. 27–38.

Sources

- [The Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.)
[The State Archives of the Orenburg Region]. (In Russ.)

References

- Belikov T. I. [F. I. Derbetev, Associate of E. I. Pugachev]. Elista: Kalm. Book Publ., 1978. 103 p. (In Russ.)
Belikov T. I. [Kalmyks in the Struggle for Independence of our Motherland (XVIII – early XIX cent.)]. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. 168 p. (In Russ.)
Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XII. No. 9110. St. Petersburg, 1832. Pp. 308–328. (In Russ.)
Dubrovin N. [Pugachev and his Accomplices. Episode from the Reign of Catherine II in 1773–1774]. Vol. 3. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov Print. shop, 1884. 418 p. (In Russ.)
Kuznetsov V. A. [Irregular Troops of the Orenburg Province]. Samara; Chelyabinsk: [w/o publ.], 2008. 478 p. (In Russ.)
Maksimov K. N., Ochirov U. B. [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)

- Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: [б. и.], 2008. 478 с.
Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.
Овсянников В. А. Ставрополь-Тольятти. Тольятти: Развитие через образование, 1997. 364 с.
Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Император. Акад. наук, 1809. 657 с.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XII. № 9110. СПб., 1832. С. 308–328.
Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмыков. 1812–1912. Ставрополь: Тип. Губернского Правления, 1912. (репринт. воспроизвед. изд. 1912 г. с коммент. и ил. изд-ва «Эбелек» 1990). 326 с.
Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва, 1887. 405 с.
Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыц. ин-т обществ. наук, 1992. 320 с.

- Ovsyannikov V. A. [Stavropol-Togliatti]. Togliatti: Development through Education, 1997. 364 p. (In Russ.)
Pallas P. [Journey to Different Provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sciences, 1809. 657 p. (In Russ.)
Prozritelev G. N. [The Military Past of Our Kalmyks. 1812–1912]. Stavropol: Governor Board Print. shop, 1912. (reprint reprod., comment., ill.). Ebelek, 1990. 326 p. (In Russ.)
Rychkov P. I. [Topography of Orenburg Province]. Orenburg: Imper. Rus. Geogr. Society, 1887. 405 p. (In Russ.)
Shovunov K. P. [Kalmyks in the Russian Cossack Army]. Elista: Union of Cossacks of Kalmykia, Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
Vitevsky V. N. [I. I. Nepluyev and the Orenburg Region in its Former State until 1758]. Kazan: V. M. Klyuchnikov Print. shop, 1897. 630 p. (In Russ.)
Z-v. N. [Historical Review of the Stavropol Baptized Kalmyks and some Data about their Modern State]. *Fatherland Notes*. 1844. Vol. 35. No. 7–8. Pp. 27–38. (In Russ.)